

УДК 821.161.1-311.
ББК 83.3(2Рос=Рус)

А.С. Подковальникова

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННАЯ
ЛИТЕРАТУРА
КАК ФЕНОМЕН
СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ**

Современная отечественная литература характеризуется, среди прочего, повышением интереса к личности не в силу ее выдающихся качеств и талантов, а напротив, во всей полноте ее обыденности. В литературу пришло большое количество представителей самых разных профессий. В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать ключевые произведения А. Малатова, Т. Соломатиной, А. Аствацатурова и А. Дежурова с целью выявления типологических особенностей прозы «профессионалов».

Ключевые слова: проза «профессионалов»; реализм; натурализм; дневник; сетература; исповедальность; индивидуализация; типичский образ.

Подковальникова Анна Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания факультета лингвистики и словесности Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8(863)243-64-95
E-mail: panna75@mail.ru

© Подковальникова А.С., 2010 г.

В первое десятилетие нового века в отечественной литературе продолжает сохраняться тенденция объединения авторов не по принципу идеологической или стилевой общности, а по принципу так называемой корпоративности. В современном литературном пространстве широко представлены «медики» (Алмат Малатов, «Immoralist. Кризис полудня»; Татьяна Соломатина, «Акушерха»), «юристы» (Павел Астахов, «Рейдер»), «филологи» (Арсений Дежуров, «Слуга господина доктора»; Андрей Аствацатуров, «Люди в голом») и проч. Отличительной чертой такой литературы становится лоббирование интересов своей профессии посредством откровенного, подчас натуралистичного (по большей части это касается произведений А. Малатова и Т. Соломатиной) отображения ежедневного профессионального быта. Вероятно, отчасти это обусловлено все возрастающим интересом к так называемой «неигровой» литературе и представляет собой новый виток развития реализма. Теперь авторы из книги в книгу пишут не просто о типичском герое, представляющем современное общество в том или ином социальном срезе, а о себе самих и о тех, кто, так или иначе, попал в сферу обращения их планетарного «Я».

Так, скажем, Алмат Валентинович Малатов, будучи представителем поколения тридцатилетних, активно заявивших о себе в современной литературе, является писателем, журналистом, автором одного из самых посещаемых сетевых дневников. Он предельно

откровенен, весьма, впрочем, часто пересекая черту откровенности и намеренно огрубляя текст за счет обсценной лексики и большого количества физиологических подробностей. Последние, впрочем, могут быть оправданы пресловутым медицинским цинизмом. Тем не менее, Малатову нельзя отказать в виртуозном владении словом, он умеет зацепить за живое и разбудить эмоции. Алмат Малатов говорит о себе: *«Когда-то закончил медицинский институт, и знаю, как найти ваш мозг. Я успел поработать санитаром, фельдшером на скорой, моделью, поваром, врачом, менеджером по персоналу и создать маленькую, но гордую фирму»*. В 2004 г. получил популярную сетевую премию Паркера (как автор лучшего журнала), в 2005 г. вышла книга «Двоичный код»; две новеллы включены в антологии лучших рассказов 2005 и 2006 г. («Секреты и сокровища», «Укус и крокодилы»).

«Immoralist. Кризис полудня» – роман-путешествие в лучших традициях Генри Миллера и Чарльза Буковски. Герой летит на самолете из Москвы в город своего детства, перемещаясь при этом не только в пространстве, но и во времени. Беззаботное детство, бесшабашное отрочество, сумасшедшая юность... Богемные клубы, общага мединститута, коммунальные квартиры, бесконечная цепочка мелькающих лиц, казалось, мало что значащих для героя, но для автора являющихся необходимым элементом его творческого метода – своеобразного литературного пуантилизма. Все эти всплывающие лица, картины, силуэты – способ взглянуть на свою жизнь, увидеть ее не повседневно раздробленной, не сиюминутной, а цельной, так или иначе состоявшейся: *«Прошлое должно оставаться в прошлом, не отпущенная вовремя юность разъедает душу, как разъедают тело вечно юные раковые клетки»* [Малатов, 2007, с. 238]. А для того, чтобы прошлое отпустило, утратило свою власть над душой и помыслами, нужно, по мнению автора, еще раз, в полной мере отдавая себе отчет в совершаемом, пройти в мыслях и вживе по тем улицам, где рос и вырос. Внешний сюжет тривиален: герой совершает путешествие в город своего детства, чтобы повидаться с родственниками. Но несколько часов в самолете от Москвы до Кишинева оборачиваются путешествием длиной в жизнь. *«Прощаясь с городом, расставляя последние точки, чтобы больше не возвращаться сюда, я должен обойти все места, углы и тени которых накатывают на меня déjà vu в Москве и Лондоне, обойти всех людей, имена которых саднят в памяти»* [Там же, с. 239].

Если А. Малатов даже в эпизодах фривольно-физиологических остается грустным лириком, немного философом и знатоком не только тел, но и душ, то Т. Соломатина, даже говоря о романтике чувств и отношений, остается бесперспективно натуралистична.

Татьяна Соломатина, писатель, журналист, кандидат медицинских и доктор философских наук, одновременно является автором ряда книг на медицинские и околomedicalные темы («Акушер-ха!», «Приемный покой») и заметным блоггером. И в первой и во второй своей ипостаси она выступает как человек решительный, твердо от-

стаивающий свою жизненную позицию, а точнее – право эту самую жизненную позицию иметь. Тексты ее опубликованных произведений строятся по одинаковой схеме и представляют собой набор курьезных, подчас трагических, но всегда медицинских баек, объединенных образом главной героини, в которой отчетливо проступают автобиографические черты. Перед читателем выстраивается галерея образов, призванных отображать срез нашей действительности в самом неприглядном свете, но смягчаемый неустанно декларируемым авторским медицинским чувством юмора. Однако приходится признать, что задуманное далеко не всегда автору удается.

Сама Татьяна Соломатина неоднократно называла в числе своих литературных ориентиров и предшественников В.В. Вересаева и М.А. Булгакова, однако подобное сравнение играет далеко не на пользу нашей современнице. На фоне классиков многочисленные огрехи стиля, неаккуратность и в конечном итоге скудость языка становятся печально заметны: *«В дверном проеме появилась могучая туша заведующего отделением обсервации этого родильного дома, входящего в состав многопрофильной клинической больницы, и сегодняшнего ответственного дежурного врача Игоря Анатольевича Бойцова, носящего партийную кличку “Боня”»* [Соломатина, с. 34]. Тяготение к сложносочиненным предложениям прослеживается на протяжении всех текстов Т. Соломатиной и носит, вероятно, принципиальный характер. Однако далеко не всегда оказывается оправданным и с позиций стиля, и с позиций здравого смысла. В вышеприведенном фрагменте отчетливо прослеживается невыигрышность такого приема: то, что было уместно и стало приметой идиостиля Л.Н. Толстого, в исполнении Соломатиной превращается в грузный, невразумительный, отягощенный избыточными канцеляризмами текст, впрочем, в среде поклонников трактующийся как образчик самобытности писателя.

На данный момент суммарный тираж книг Т. Соломатиной превысил 130 000 экз., она является автором востребованным, имеющим собственную многочисленную читательскую аудиторию и выполняющим благородную и весьма необходимую в наши дни просветительскую миссию.

Произведения А. Малатова и Т. Соломатиной имеют много общего с сетературой в той ее части, которая представлена регулярными дневниковыми записями в своих блогах популярных интернет-пользователей (Дмитрий Горчев, «Жизнь без Карло»). От сетевых дневников авторы взяли предельную степень откровенности, внешнюю алогичность, нелинейность выстраиваемой сюжетной линии, внешнее отсутствие сюжета, подменяемого зачастую исповедальностью, предельной, болезненной откровенностью.

Подобный подход к построению художественного текста таит в себе существенную опасность: воспоминания, впечатления детства, отрочества, юности имеют свойство оканчиваться. И тогда автор либо скатывается на самоцитирование, бесконечное повторение однажды ска-

занного, либо возвращается к литературным истокам: традиционным жанрам повести и романа.

Одной из особенностей так называемого литературоведческого романа (произведения, созданного профессиональным филологом) является его запланированная филологичность. Иными словами, авторы (А. Аствацатуров, А. Дежуров) не отпускают свой текст и после публикации. Безусловно, любая современная книга, вызвавшая даже минимальный читательский интерес, порождает шлейф высказываний, комментариев, попыток в разной степени успешного анализа. И автор оказывается вовлечен в эту послеродовую жизнь своего детища, вынужденный многократно давать те или иные разъяснения своим читателям, делиться творческими планами, обнадеживать обещаниями продолжения или напротив, разочаровывать, подтверждая окончательную и бесповоротную гибель героя для его, авторского, интереса. Такая ситуация является неотъемлемой частью любого творческого процесса и одинаково полезна и необходима и для автора, и для читателя, и для критика. Причем для полноценного творческого процесса необходимы все три элемента, поскольку, только находясь в перманентной дискуссии друг с другом, автор, критик и читатель способны аккумулировать необходимую для творчества энергию. Когда же речь идет о творчестве профессиональных филологов, обратившихся к художественной прозе после того, как сложились в научном плане, то представляется, на наш взгляд, возможным говорить об определенной и далеко не всегда положительной самодостаточности. Так, Андрей Аствацатуров, выпускник и преподаватель филологического факультета СПбГУ, автор ряда научных изысканий, среди которых «Феноменология текста: игра и репрессия», исследование в котором особое внимание уделяется проблемам борьбы с литературной формой как с видом репрессии, критической стратегии текста, воссоздания в тексте движения бестелесной энергии и взаимоотношения человека с окружающими его вещами, в своем дебютном романе «Люди в голом» (2009) перешел от теоретических изысканий к фазе научного эксперимента.

«Люди в голом» – книга во многом автобиографическая, ни на что не похожая, живая и остроумная, густо заселённая реальными персонажами из круга питерской гуманитарной интеллигенции. Среди жанровых и «интонационных» предшественников Аствацатурова критики называют Сергея Довлатова, Павла Санаева, Александра Жолковского (с его «Виньетками»), Венедикта Ерофеева... Впрочем, и здесь, как и в случае с текстами других «профессионалов» – А. Малатова и Т. Соломатиной, автор грешит избыточной самоуглубленностью. Безусловно, изысканные богемные истории, чередующиеся с преднамеренно огрубленными бытовыми зарисовками, любопытны, нарочитый отказ от какого бы то ни было моралите на фоне отличного владения словом, которое у автора не отнять, способен привлечь читателя искушенного, но вместе с тем пытающегося избегать традиционных для классической литературы дидактичности и насыщенной проблематики.

Каждая история, рассказываемая автором, – очередной милый сердцу посвященного анекдот, например, о Юрии Михайловиче Лотмане, проживавшем в Тарту в одном здании с кожно-венерологическим диспансером или о Захаре Исааковиче Плавскине, выпытывающем у очередного нерадивого студента национальность Отелло: *«Плавскин едва не лишился дара речи. Или сделал вид, что едва не лишился. Это скорее всего. Профессора, особенно в российских вузах, убеждают всех и самих себя в первую очередь, что если кто-то не соответствует университетским идеалам и стандартам, то это вопиющее незаконнорожденное недоразумение. А зря. Человек ведь тем и интересен, что он непредсказуем, что он уклоняется от всех стандартов и предписаний. Что он сам по себе. Что он одинокий, голый бесприютный на голой земле, равный самому себе»* [Аствацатуров, с. 60]. Сложно предположить, насколько подобные истории могут захватить нефилолога, потому что обладают ярко выраженным корпоративным духом, выстроены по принципу *sapiente sat* и не снабжены пояснениями. Такой подход все же резко сужает круг читателей, даже в сравнении с гинекологическими историями Т. Соломатиной, поскольку последняя вполне закономерно может апеллировать по меньшей мере ко всей женской читающей аудитории, а число филологов не идет с ней ни в какое сравнение. Впрочем, сам автор не соглашается с подобным подходом к его тексту, утверждая, что за внешними легкомысленными байками и анекдотами скрывается *«ряд очень важных экзистенциальных идей, которые я просто пытаюсь излагать языком повседневности. Это может восприниматься как байки, анекдоты. Но в них я пытаюсь "растворить" некоторые важные для меня идеи. Например, связанные с очень близким мне левым дискурсом. Повседневность помогает мне смотреть на эти идеи со стороны, иронизировать над ними. Как писатель, я хочу поиграть в эти идеи, хочу показать их различные ракурсы. Продемонстрировать, как сама жизнь их опровергает. Для этого мне и нужен бытовой пласт»* [Мирошкин].

Однако А. Аствацатуров безусловно автор весьма любопытный, демонстрирующий филигранное владение словом, насыщающий текст аллюзиями, реминисценциями, умеющий писать и любящий каждое слово в русском языке. Если же говорить о формальной стороне его произведения, то роман состоит из двух частей, разительно отличающихся друг от друга и написанных в разные годы. Первая часть выросла из записей, которые делались автором в его блоге начиная с 2002 г., вторая писалась позднее, в 2006 г. Она, среди прочего, о болезненных формах культуры (таких, как постмодернизм), эксплуатирующих другие, здоровые формы. Демаркационная линия между первой и второй частью романа очень заметна. Первая часть, в силу специфики написания, представляется более прямой и цельной. Организована она с помощью особой системы лейтмотивов (например: обнаженное одинокое человеческое тело, голая земля, кости, череп – т.е. как бы редуцированный человек, его различные сущности). Вторая

часть – это скорее роман о литературе, о жизни, о себе, своеобразное средство самовозрастания, внутреннего изменения. Это путешествие по литературе. И эпицентр её – «вставной» роман-клип «Путь Гава», полностью цитатный. Это аллюзия к роману Сорокина «Путь Бро». Согласно первоначальному замыслу автора, предполагалось выпустить двухчастную книгу, из двух повестей. Однако впоследствии они были объединены в единый роман. В одном из интервью А. Аствацатуров отметил, что, по его мнению, это должно было стать удачным контрастом: *«аскетизм первой части и литературная витиеватость, цитатность второй»* [Мирошкин].

Одним из постулируемых автором принципов является принцип разрушения старой романной формы, который должен способствовать появлению нового литературного языка. Подвергая собственный роман литературоведческой рефлексии, А. Аствацатуров объясняет рыхлость композиции своего произведения именно сознательным стремлением к деконструкции традиционной романной формы, которая, по его мнению, сковывает творчество, загоняя его в рамки шаблона.

Если первая часть «Людей в голом» прозрачна и представляет собой набор анекдотов, объединяемых личностью автора, который не ищет ответов, не ставит вопросов, а фиксирует само течение жизни вокруг себя со свойственной интеллигенции иронической беспристрастностью, то вторая часть по сути своей представляет развернутый ответ на вопрос, для чего же автор все-таки решился на подвиг сочинительства. В первых же строчках второй части А. Аствацатуров с некоторой избыточной откровенностью сообщает читателю, что принял за сочинительство по большей части из чувства зависти к своим более успешным коллегам, сумевшим найти свою нишу в изменившихся жизненных реалиях. Все дальнейшие эксперименты и заигрывания с формой так или иначе проистекают из этого первоначального посыла: обозначить свое место в числе состоявшихся с коммерческой точки зрения филологов. Такая позиция, сомнительная с точки зрения классического писательства, оказывается, тем не менее, весьма распространенной в современных реалиях. И более того – оправданной. Принцип Розанова писать «вот именно что из-за денег» теперь становится не чем-то неуловимо стыдным, но вполне заслуживающим уважения и признания. И действительно, разве не обидно филологам, способным порождать бесконечный стилистически грамотный текст, но не делающим этого в силу внутренних ограничений и страха перед обвинением в графоманстве, когда читатель в широкой массе своей вновь признается в любви очередному бесталанному дилетанту?

Включив во вторую часть аллюзивный «роман-клип» «Путь Гава», образчики эпистолярного и драматического жанров, объединив в пространстве одного текста типического филолога и типического братка из девяностых, А. Аствацатуров сделал серьезную заявку на будущее. Хочется верить, успешное.

Если А. Аствацатуров делает только первые шаги в художественной литературе, то Арсения Станиславовича Дежурова дебютантом назвать сложно.

А.С. Дежуров родился в 1968 г. в Москве, в семье филолога-германиста С.Д. Дежурова и продолжил семейную традицию, в 1990 г. окончив филологический факультет МГПИ им. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 2005 г. работает над диссертационным сочинением «Категория комического в литературе немецкого романтизма». Начал печататься с 1993 г. в университетских научных сборниках. Круг литературоведческих интересов: гротеск в литературе и живописи, категория комического в литературе и эстетике немецкого романтизма. Пространство и время в литературе и живописи.

Член Союза писателей России (1998). Член Общества Э.Т.А. Гофмана (ФРГ) и Гейдельбергского музыкального архива Гофмана ЕТАН. Член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. Член Российского союза германистов. Лауреат премии им. А.Ф. Лосева «За лучшую научную работу в области гуманитарных исследований» (1999, 2000).

С 2006 г. – ведущий утреннего эфира на Радио России.

Помимо целого ряда профессиональных публикаций А. Дежуров является автором книг «Царевна-лягушка. Любящие глаза. Пьесы для детского театра» (М., 1999); «Мне 20 лет, и я пишу письма» (М., 2004); «Комедии» (М., 2004); «Слуга господина доктора» (М., 2008).

Роман «Слуга господина доктора», как и сочинение А. Аствацатурова, глубоко автобиографичен. Однако в значительно большей степени традиционно литературен. Роман имеет линейный сюжет, композиционно делится на две неравные части, повествующие так или иначе о мытарствах духа современного интеллектуала и интеллигента, чей образ вписывается в парадигму персонажей Арцыбашева, Горького, У. Берроуза и проч. Обнаруживать аллюзии, реминисценции, скрытые явные цитаты в тексте профессионального литературоведа – миссия заведомо обреченная на провал. Перед исследователем встает совершенно иной вопрос, не имеющий, впрочем, окончательного разрешения: какая часть литературной игры носит сознательный характер, а какая – имманентно присущий автору культурный дискурс.

В отличие от А. Аствацатурова, сделавшего в своем романе ставку на глубокую индивидуализацию своего персонажа и спаянность его с личностью автора, А. Дежуров создает типический образ современного интеллигента, мятущегося, неприкаянного, подчас ненужного самому себе и в то же время уверенного в собственной избранности, в исключительности своего земного призвания. Для усиления этого эффекта автор использует и языковые средства, перенасыщая язык произведения сложными речевыми конструкциями, филигранно выверенными с позиций норм русской речи, но вместе с тем далекими от повседневных речений даже и филологов: *«Я – ангел! Мысль эта радовала своей новой простотой. Мне казалось, что стоит только за-*

помнить ее – и дальше жить вот так, радостно, бесполо, ангельски, в каждом предмете за конечностью формы провидеть бесконечное движение материи, восчувствовать дыхание божества. Мир смотрел на меня родственными глазами, и я – красивый не человеческой красотой, а той, какой красивы помидор, одуванчик, камешек, – тянул к нему добрые, чуточку оранжевые руки» [Дежуров, 59].

Так называемая «литература профессионалов» грешит одним общим, но весьма ощутимым недостатком: она очень часто перестает быть собственно литературой. Одни, такие как Т. Соломатина и П. Астахов, в художественной форме манифестируют свою жизненную позицию, другие (например, А. Аствацатуров) используют профессиональные навыки для решения иных, помимо творческих, задач. Каждый из этих подходов к творчеству имеет право на существование и находит отклик в читательской среде, но помимо сиюминутного интереса публики, выражаемого в тиражах и гонорарах, существует и диахроническая, пролонгированная во времени востребованность, которая для многих наших современников маловероятна. И связано это именно с узостью их творческого подхода. Так, медики М.А. Булгаков и А.П. Чехов, даже апеллируя к собственному профессиональному опыту, писали в первую очередь не о враче, крестьянине, чиновнике, а о человеке. Медицинская точность, откровенность, не делали их циничными профессионалами, но помогали в создании персонажей, вполне жизнеспособных за дверями приемного покоя. О подобном уровне типизации возможно, пожалуй, говорить применительно творчеству А. Малатова.

Тот же недостаток присущ и творениям других профессионалов, слишком поглощенных желанием поведать непосвященным о тайнствах своей увлекательной и нелегкой деятельности: юридической, филологической, военной, медийной и прочей. Вероятно, с течением времени эти произведения будут представлять интерес. И еще более вероятно, что интересоваться ими будут историки, социологи, культурологи, филологи. Все те, кто выстраивает научную картину мира, опираясь на документальные свидетельства эпохи. В этом плане «литература профессионалов» стоит в одном ряду с производственным романом и фактически мало чем от него отличается, пожалуй, только тем, что в последнем отсутствует отрицательный герой, его функции выполняет временно заблуждающийся, но обязательно исправляющийся в финале антагонист главного героя. И разумеется, действие современного производственного романа разворачивается не в заводских декорациях, а в гораздо более опасных офисах и кабинетах.

Несмотря на кажущееся упрощение пути современной книги к своему читателю, на самом деле дело обстоит гораздо сложнее. Объемы печатной продукции растут, книжные магазины в крупных городах сродни интеллектуальным джунглям, а в маленьких населенных пунктах отсутствуют или сливаются с почтовыми отделениями, где на витрине томик Достоевского лежит между творениями Д. Донцовой и Б. Карт-

ланд. Однако и в первом, и во втором случае говорить об упрощении пути обретения книгой своего читателя не приходится.

Литература

- Аствацатуров А.* Люди в голом. М., 2009.
Горчев Д. Жизнь без Карло. М., 2010.
Дежуров А. Слуга господина доктора. М., 2008.
Малатов А.В. Immoralist. Кризис полудня. М., 2007.
Малатов А.В. Всякая тварь. М., 2009.
Мирошкин А. Интервью с А. Аствацатуровым. // Частный корреспондент. Среда, 22 июля 2009 г., 09.22.
Соломатина Т.Ю. Приемный покой : врачебный роман. М., 2010.